

## Борису Грушину в его 75-ти ление

Стивен А. Грант

*На правах постоянного автора Телескопа мне приятно представить читателям Стивена Гранта (Steven A. Grant), специально для журнала написавшего заметки о Борисе Андреевиче Грушине, с которым его связывают многие годы сотрудничества, переросшего в дружбу.*

*С. Грант изучал русскую историю в Гарвардском университете и преподавал её в The George Washington University; затем он работал Кенноновском Институте, одном из известнейших в мире центров изучения России. Им опубликованы два справочника: A Scholars' Guide to Washington, D.C. for Russian/Soviet Studies и (совместно с John H. Brown) The Russian Empire and Soviet Union: A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States, а также множество статей.*

*Стив – уникальный человек. Он глубоко знает и тонко понимает русскую историю и культуру. Он - не просто прекрасно владеет русским языком, но, отмечу, во многом благодаря дружбе с Борисом Грушиным, он знает и ценит русские байки, анекдоты и приколы. Он лично знаком со всеми ведущими российскими исследователями общественного мнения. Но и это далеко не все.*

*В течение многих лет С. Грант возглавлял Отдел изучения России, Украины и стран СНГ. Этот Отдел выполняет исследовательские работы для Американской Национальной Информационной Службы (ныне Госдепартамента) и принимает участие в формировании американской политики по отношению, в прошлом, к Советскому Союзу, а ныне – к России. Многое из того, что сегодня определяет доверие между Америкой и Россией является, в частности, следствием высокого профессионализма Стивена и его искреннего уважения России.*

Профессор Борис Докторов

Это короткое эссе<sup>1</sup> – не опыт академического анализа социологической деятельности Бориса Грушина. Скорее, это слова благодарности и уважения, написанные другом и коллегой, знающим его в течение полутора десятков лет. Не являясь по образованию ни социологом, ни специалистом в области опросов, я не могу надеяться обоснованно, справедливо обсуждать эти стороны его деятельности. Я уверен, что его вклад в те области, в которых он большую часть своих, говоря словами Старого Завета: «три раза по 20 и еще 15 лет» работал, существенны и значимы. Мое восхищение сделанным им безгранично. Однако еще более я восхищен другими сторонами его жизни.

I.

Борис Андреевич запомнится большинству его соотечественников как поллстер, исследователь общественного мнения, но это не то, каким я его всегда помню. Как историк и исследователь российской жизни, я мог бы передать мое понимание Грушина одним словом: *a mensch*.<sup>2</sup> Постараюсь уточнить и прояснить сказанное.

<sup>1</sup> Перевод на русский язык выполнен Б. Докторовым и согласован с автором.

<sup>2</sup> Порядочный, приличный человек.

Борис Грушин, в моем понимании – это единство двух сущностей: во-первых и прежде всего он – моральный философ; во-вторых, «*public servant*».

Первое – легко понять, ибо это нечто универсальное. Я имею в виду то, что он – интеллектual высокой пробы, затворник «башни из слоновой кости», или теоретик. Он – соединяет, или смешивает в себе черты Канта и Марка Аврелия, и он очень близок к Берtrandу Расселу и Сократу.

На протяжении всей его долгой карьеры он пытается ответить на один вопрос, стоящий перед всеми нами: как человек должен прожить свою жизнь? Ответ, который он дал себе, он стремится передать и другим. Таким образом как моральный философ он одновременно выступает и как ученый, и как учитель.

Для Грушина, как и для всех поколений русской интеллигенции, сентенция «Знание – сила» никогда не была истиной. Для них во все времена, при царизме и при Советах, знание было ограничено властью, оно не предоставляло свободу действий, при которых знание раскрывается во всех своих функциях. В двадцатом веке, в той степени, в которой это было возможно, некоторым интеллектуалам позволялось «говорить правду власти», способствуя тому, чтобы власть была более информированной и знающей. Но лишь про очень немногих можно сказать, что они оказывали влияние на систему, в которой «кадры решали все».

Термин «*public servant*», возможно, более труден для понимания теми, кто рос вне традиций современной Европы или Соединенных Штатов. Здесь, на Западе, этот термин обычно применяется к политику или к общественному деятелю, находящемуся на государственной службе и работающему (по крайней мере теоретически) во благо не только государства, то также всего народа. Это нечто аналогичное тому, что было в советское время, когда реально все работали на государство. Но нюансы и значения этого термина являются более важными, чем его прямое определение. Смысл заключается в том, что помимо выполнения формальных обязанностей, задаваемых характером работы, а *public servant* работает во благо общества и людей, выходя за узкие рамки его должностной ответственности, он - общественный радетель.

Именно таким образом и ведет себя на протяжении всей его жизни Борис Грушин. Он выступает как эталон социальной нравственности для его страны. Солженицын пишет в одной из его работ нечто о том, что любой писатель по своей позиции становится нетерпимым по отношению к государству, так как он сам является другим государством. Эта роль, была исполнена Грушиным и дюжинами (если не сотнями) других независимо-мыслящих и общественно-настроенных людей, которые десятилетиями трудились внутри абсурдно нелогичной и в конечном счете самоубийственной системы для того, чтобы улучшить жизни миллионов людей. Они трудились для общественного блага, а не ради благополучия разного рода руководителей, Коммунистической партией и не корысти ради.

Напротив, личности, подобные Грушину и Юрию Леваде часто наказывались за их усилия. Они теряли работу и ссылались (буквально или фигурально), немало людей оказалось в тюрьме и все за то, что они служили своему народу. Борис Андреевич никогда не призывался советской властью, чтобы он доказал ей свою «полную преданность», однако его жизнь богата зигзагами, поездками на «американских

горках», т.е. подъемами на непредсказуемую высоту и спусками до положения отверженного. Как он умудрялся сохранять при этом чувство равновесия, может описать только он сам; на мой взгляд, сейчас будет достаточно сказать, что запас его личной честности был таковым, что этого запаса хватило на то, чтобы корабль его жизни не разбился и не сбил с курса.

Я верю в то, что он потому быстро нашел свое призвание в работе, принесшей ему профессиональную известность и давшей ему определенную меру общенациональной славы, что он ощущал потребность, необходимость понять основы общества, которое становилось все более и более дисфункциональным при авторитарном правлении однопартийного государства. Он искал новый способ увидеть общество и нашел его в социологических исследованиях и, в частности, в опросах общественного мнения.

Жизнь Грушина необычна, как следует из – помимо других свидетельств – телевизионной программы о его карьере, которую я видел несколько лет назад. Пунктирно выделим, наметим девять отдельных периодов его жизни: первый, студент, преподаватель и подающий надежды социолог в 1950-х.; второй, один из основателей эмпирических социологических исследований в СССР на рубеже 50-х – 60-х.; третий – высланный в Прагу журналист в середине 60-х.; четвертый, основатель Института изучения общественного мнения в структуре Академии Наук СССР в 1969-72 годы; пятый, снова ссыльный редактор журнала в Праге в середине 1970-х.; шестой, исследователь и автор книг в Москве в 1980-е.; седьмой, заместитель директора Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 1988-90; восьмой, основатель и президент первого независимого (частного) центра изучения общественного мнения Vox Populi; девятый, независимый исследователь и автор фундаментального проекта «Четыре жизни России», первые результаты которого уже опубликованы.<sup>3</sup>

Одно из его первых главных исследований о массовой информации и общественном мнении в индустриальном городе Таганроге,<sup>4</sup> стала вехой и классикой не только для советской социологии своего времени, но и для последующих исследований в России и за рубежом.

Он является пионером в разработке различного инструментария для изучения не только общественного мнения, но массовой информации и более общих информационных потоков.<sup>5</sup> Это его стремление использовать методы, результаты

---

<sup>3</sup> Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-ая «Эпоха Хрущева». Москва: Прогресс-Традиция. 2001. Жизнь 2-ая «Эпоха Брежнева» Часть 1. Москва: Прогресс-Традиция. 2003

<sup>4</sup> Массовая информация в советском промышленном городе // Под ред. Б.А. Грушина, Л.А.Оникова. Москва: Изд-во политической литературы, 1980. Приходится удивляться тому, что тогда как первая часть этой масштабной работы увидела свет через двадцать лет после начала проекта, то последняя часть – только в 2002 году! (См.: Rimashevskaya N.M. Woman, Man, Family in Russia: the Last Third of the 20th Century. Project "Taganrog" / Narodonaselenie: A Quarterly Scholarly Journal ([www.narodonaselenie.ru/1-2002-s.htm](http://www.narodonaselenie.ru/1-2002-s.htm)).

<sup>5</sup> Shlapentokh V. *The Politics of Sociology in the Soviet Union* (Boulder, CO: Westview Press, 1987), pp. 170ff; Докторов Б. Вместо заключения. Власть и общественное мнение. В кн.:

опросов в более широком и глубоком социальном контексте являются моделью для тех, кто будет следовать его путем через годы.

Уже многие годы он является просветителем населения, используя для этого газеты, радио и телевидение. Его новаторская рубрика о «влиятельных экспертах» в России публиковалась в течении ряда лет в *Независимой газете*. И совсем не случайно то, что и сам Грушин обычно оказывался в десятке наиболее авторитетных экспертов страны. Сказанное и другая его публицистическая деятельность имеют одну общую доминирующую цель: рассказать как можно больше людям об их правах и их ответственности, сделать так, чтобы россияне полнее осознавали себя гражданами, подобно ему самому.

Его обращения были громким гласом разума и рассудительности для ряда поколений простых россиян – и едва ли не замаскированным призывом к оружию – о необходимости бескомпромиссной борьбы за изменения, реформы, опять же – подобно тому, что делалось им самим.

Запланированное Грушиным «четырёхкнижье» «Четыре жизни России», охватывающее результаты его исследований в СССР во времена Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина, это вершина того великолепного дворца, который воздвигнут этим признанным художником (архитектором), это уникальный документ о том, что им самим и российским обществом прожито за почти пять десятилетий. Эта работа навсегда останется свидетельством того, что советские социологи должны были вытерпеть, чтобы защитить свое дело, и одновременно, - того, что они могли сделать в то неимоверно трудное время.

## II.

Я имел счастье впервые встретиться с Борисом Грушиным в конце 1980-х, когда я работал в Исследовательском бюро Американской Национальной Информационной Службы (the United States Information Agency). После долгих усилий мне удалось убедить мое руководство в том, что США могут и должны проводить опросы общественного мнения в СССР, и я стремился познакомиться по-возможности со всеми ведущими советскими социологами. В то время Грушин был заместителем директора ВЦИОМ<sup>6</sup> и человеком, хорошо известном на Западе, благодаря опросам общественного мнения, проводившимся им в течение ряда десятилетий.

Мы быстро установили деловые отношения, и по нашему заказу ВЦИОМ провел первый опрос общественного мнения в Советском Союзе для правительства США. Вскоре, к моей большой радости, наши отношения с Борисом Андреевичем переросли в дружбу. Способствовало этому необычное стечение обстоятельств: мой сын Эллиот учился в школе №45 (или школе Милграма, по фамилии ее директора), когда в середине 80-х мы жили в Москве. После отъезда моего сына в классе появилась «дыра», которая оказалась закрытой, когда это место заняла дочь Грушина – Ольга.

---

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. Москва: Фонд «Общественное мнение», 2002, с. 352-53.

<sup>6</sup> Сейчас – это «Левада-Центр»

Безусловно, работая вместе с Грушиным, сначала при проведении опросов ВЦИОМ и затем с его фирмой *Vox Populi*, я пришел к убеждению о высоком искусстве и ремесле этого преданного делу исследователя. Наши оценки российского (советского) общественного мнения – включая даже признание факта его существования! – и понимание некоторых принципов проведения опросов достаточно редко, но все же не во всем совпадали.

В частности, когда вскоре после того, как мы начали опросы в СССР в 1989-90 годах, стало ясным, что, несмотря на внушительные перечисления о достижениях и действительно значительный опыт, отцы-основатели изучения общественного мнения в Союзе использовали некоторые сомнительные приемы. Отмечу три из них: многие исследования все еще проводились с помощью анкетирования (самозаполнения); число точек на первой и второй фазах создания выборки было мало; процедура «взвешивания» (корректировки выборки) была крайне примитивной, просто некоторые опросные документы подсчитывались неоднократно, чтобы сократить перекос выборки.

Наши методисты встречались с советскими коллегами и вскоре удалось достичь следующего: стало использоваться личное интервью по месту жительства во всех общенациональных опросах (телефонные интервью были разрешены только для небольшого числа «супер-оперативных» опросов, требующих почти мгновенных результатов); фактически в четыре раза было увеличено число точек, в которых проводился опрос; при необходимости использовалась математически корректная процедура взвешивания.

Но, когда дело дошло до опросов элиты, то там не было недостатков. Мы часто думали о том, что наш контракт с *Vox Populi* для изучения этой целевой группы, был наилучшим решением; выбор Грушиным восьми групп элит был блестящим приемом построения выборки для целей нашего анализа. Эти результаты в течение ряда лет представляли высокую ценность и для американских политиков, и для аналитиков, не работавших для правительства страны.

### III.

В целом в Борисе Грушине представлены все наиболее привлекательные черты человека с блестящим интеллектом и высоким духом, и особенно меня привлекают в нем две характеристики его ментальности: изобретательность и тонкое остроумие. Каждый может вспомнить великолепные образы, термины, введенные им при обсуждении всего происходившего в России в 1990-х. К примеру, чтобы описать цивилизационные по своим масштабам изменения, произошедшие в бывшем Советском Союзе в течение всего нескольких месяцев, он ввел гениальный термин «социотрясение». Этот термин передает объективную сторону происходивших трансформаций и фиксирует чувства беспомощности людей в их стремлении противостоят силе тех изменений.

То же остроумие видится мне в книге, которую он написал в первый период его жизни в Праге и которой, с моей точки зрения, он дал наилучшее из возможных названий - *In pivo veritas*. Такую книгу мог создать только подлинный любитель пива.

То, что он был и остается знатоком и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собственном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских *rathskeller* (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане. В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объем его коллекции без сомнения затмевает количество собранных мною анекдотов, хотя, это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного – современных.

В годы советской власти многие жители Запада часто спрашивали себя о том, что бы они делали, если бы родились в другой половине мира, в СССР (точно также, полагаю, бесчисленное число советских граждан задумывалось о том, как сложилась бы их судьба, если бы они родились по другую сторону Атлантики). Самый лучший и самый яркий среди нас мог бы стать или флагманом социалистической индустрии, или профессором МГУ, или сотрудником КГБ, или даже партийным лидером. Трудно сказать, как талант и воля американцев проявились бы в таких необычных обстоятельствах. Я хотел бы стать таким как Борис Грушин.